

RU

Символика волос в русском свадебном фольклоре Удмуртии

Толкачева С. В.

Аннотация. Цель исследования – провести культурологическое и мифопоэтическое сопоставительное описание значений символа «волосы» на материале традиционной русской свадьбы, бытующей на территории Удмуртии. Научная новизна заключается в целостном изучении и систематизации разных значений символов, маркирующих волосы невесты, – в выявлении поэтических мотивов и сюжетов свадебного песенного фольклора, в анализе контекста событийного кода обряда – в рамках русской диалектной традиции одного региона. В научный оборот впервые вводятся новые описания информантами эпизодов свадьбы, оригинальные песни, в том числе уникальные для данной территории. В ходе исследования проанализированы тексты, в которых задействованы параметры временного кода, приведены образцы с поэтическим описанием «мгновенного» совмещения прошлого и будущего в жизни невесты. Впервые обозначены редкие для данной традиции факты из старообрядческих селений – дарение платка свекровью как символа принятия невесты в новый род и переплетение волос невесты в три косы. В результате доказано, что в свадебном ритуале отношение к волосам является знаковым. В народном представлении оно связывается с цикличностью природного времени и времени жизни человека, с влиянием стихий на время и пространство ритуального «перехода» невесты, с пониманием их ценности как части внешнего облика невесты и как воплощения нравственных устоев самого общества. Соматика человека проецируется на растения и на птиц; соотносится с мифологическими образами, ориентированными на сходство с графическими формами (круг, труба).

EN

Hair symbolism in the Russian wedding folklore of Udmurtia

Tolkacheva S. V.

Abstract. The aim of the research is to conduct a culturological and mythopoetic comparative description of the meanings of the symbol “hair” using the material of a traditional Russian wedding taking place on the territory of Udmurtia. The scientific novelty lies in the holistic study and systematization of the different meanings of the symbols marking the bride’s hair – in identifying poetic motifs and plots of wedding song folklore, in analyzing the context of the event code of the ceremony – within the framework of the Russian dialect tradition of one region. It is the first time that new wedding episodes described by informants, original songs, including unique ones for this territory, are introduced into scientific use. The paper analyzes the texts in which the parameters of the time code are involved, gives examples with a poetic description of the “instantaneous” combination of the past and the future in the bride’s life. It is the first time that facts rare for this tradition from Old Believer villages are indicated, i.e. the gifting of a scarf by the mother-in-law as a symbol of the bride’s acceptance into a new family and the redoing of the bride’s hair into three braids. As a result, it has been proved that in the wedding ritual, the attitude to hair is iconic. In the popular view, it is associated with the cyclicity of natural time and the time of human life, with the influence of the elements on the time and space of the ritual “transition” of the bride, with the understanding of its value as a part of the external appearance of the bride and as the embodiment of the moral foundations of society itself. Human somatics is projected onto plants and birds; it correlates with mythological images focused on similarity with graphic forms (circle, pipe).

Введение

В настоящее время одной из насущных проблем современной филологии является поиск новых форм и методов исследования, а также структуризации и интерпретации уже имеющихся знаний, объясняющих особенности мировоззрения, жизненного уклада, этических и эстетических норм этнических сообществ, проживающих на определённых территориях, и проявление различных аспектов материальной и духовной культуры в языке.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью выявления в контексте мифологического мышления типологического сходства ритуальных действий с волосами и способов их поэтического описания на примере свадебной обрядности русского населения Удмуртии. В исследовании решается задача комплексного описания функционирования символа «волосы невесты» на нескольких уровнях культурной традиции, чему способствует записанный от представителей русского этноса на территориально ограниченном пространстве материал. Исследование многозначности символа «волосы» в культурологическом и антропоцентрическом аспектах с привлечением конкретных этнографических сведений и этнографических рассказов, образцов поэтического песенного фольклора, собранных на территории многонациональной Удмуртии, до настоящего времени не проводилось. Изучение этой темы позволяет провести глубинные параллели между событийным содержанием обряда и его вербальным наполнением (привычные, традиционные связи и скрытые, завуалированные). Они обнаруживаются путём целенаправленного анализа мифопоэтической сферы словесного народного творчества.

Дальнейшее сопоставительное изучение с привлечением материала по свадебной обрядности народов, проживающих на территории Удмуртии – удмуртов, бесермян, татар, может дать более полное представление о специфике традиционной культуры русского населения края.

Для достижения цели исследования в статье решаются следующие задачи:

1) проанализировать кинетику обрядовых действий и вербальный код свадьбы, связанные с волосами невесты; описать их ритуальный и мифопоэтический контексты;

2) определить культурные смыслы символики, соотносимой с волосами невесты, в таких сферах народного мышления, как а) мировосприятие природы – структурирование пространства и времени крестьянской жизни (природные суточные циклы, цикличность человеческой жизни), обращение к водной, воздушной, огненной стихиям; б) обозначение этической направленности социальных отношений (в семейном кругу, между представителями родов невесты и жениха); в) антропоморфное отношение к миру растений и миру животных;

3) выявить мифологемы, отражающие графические (идеографические) формы в поэтике.

В статье применяются следующие методы исследования: контекстуальный – учитывающий различные контексты функционирования символики в обряде; описательно-аналитический – для описания и анализа текстов песен, репортажей; сравнительно-сопоставительный – для выявления сходства и различия различных уровней контекстов бытования мифологемы «волосы»; графический – для обозначения идеографического сходства воплощения различных мифологических образов.

Материалы исследования – публикации источников, посвященных русскому свадебному фольклору, записанному на территории Удмуртии в период с конца XIX до начала XXI века Г. Е. Верещагиным, А. Г. Татаринцевым, Т. А. Шуклиной, С. В. Стародубцевой, В. Г. Болдыревой и автором данной статьи:

Болдырева В. Г., Толкачева С. В. Русская свадьба Среднего Прикамья. Ижевск: Шелест, 2018;

Верещагин Г. Е. Свадебные обряды // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6-ти т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. Т. 3. Очерки русских Вятско-Прикамского края. Кн. 2. Вып. 2;

Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1;

Татаринцев А. Г. Русский фольклор Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1990;

Шуклина Т. А. Свадьба: учеб. пособие. Глазов: ГГПИ, 2012.

Записи, в том числе аудиоматериалы, собранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций Удмуртского института истории, языка и литературы (УИИЯЛ) в 1993-2000 годах, хранятся в Научно-отраслевом архиве УИИЯЛ Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари:

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 1. А – З. Т. 4. Р – V;

Зверева Ю. В., Русина И. И., Черных А. В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские: тематический словарь лексики одежды. СПб.: Маматов, 2019;

Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.

Теоретической базой послужили исследования, в которых рассматриваются концептуальные понятия народного мышления в русской традиционной обрядности и отдельные символы русской свадьбы. В работах С. М. Толстой (2010), Е. Л. Мадлевской (2002), С. К. Мамоновой (2023) изучается феномен «девией красоты». В статьях Р. Х. Хайруллиной, В. П. Бергер (2018; Бергер, 2019) исследуются образ человека в мифологической картине мира в разных лингвокультурах, а также соматический культурный код. В. П. Бергер (2019) описывает культурный смысл свадебного обряда и его выражение на примере концепта ВОЛОСЫ в русском, казахском и английском языках. В исследованиях Т. Н. Бунчук (2017, с. 21-32), А. В. Гуры (2012, с. 574-575, 582-583), Н. В. Кургузовой (2007, с. 82-85), Р. Ямагути (2019) анализируется такая категория народного мышления, как сакральность обрядового времени.

Практическая значимость исследования заключается в возможном применении полученных обобщений и выводов в преподавании спецкурсов дисциплин по традиционной народной культуре в высших и средних профессиональных учебных заведениях.

Обсуждение и результаты

В русской традиционной обрядности отношение к волосам и действия с ними были наполнены глубоким мифологическим смыслом (Славянская мифология, 2002, с. 88-89). В свадебном обряде манипуляции с волосами

невесты напрямую отражали постепенное изменение социального и половозрастного статуса девушки и поддерживались всеми ритуальными «кодами» – акциональным, вербальным, музыкальным, акустическим, временным, пространственным. Обретение девушкой новой для неё социальной роли молодухи отображалось, наряду с другими признаками, также и в смене девичьей косы на причёску замужней женщины. В данной «драматургической линии» свадебной игры были задействованы разные *помещения* – родительский дом, баня, церковь, дом мужа; разные *предметы* – ленты, головные уборы, в том числе платки, гребни, стилизованный цветок и т. д. В церемониях с косой невесты участвовали преимущественно девушки и женщины (подруги невесты, сваха невесты, сваха жениха, свекровь), изредка отец и брат (*батюшка, братишко*) (здесь и далее диалектные слова и выражения обозначены курсивом, а ударные гласные – полужирным шрифтом).

Традиционная культура русского населения Удмуртии обладает своей спецификой. На её формирование оказало влияние множество факторов ландшафтного, исторического, политического, конфессионального характера. В частности, исповедание русским населением православия или различных старообрядческих течений; полиэтничное пространство (смешанное проживание с другими народами: удмуртами, бесермянами, татарами, коми-пермяками); одновременные этапы переселения русских жителей в республику из других областей России и т. д.

В диалектных традициях южных и центральных районов Удмуртии бытовали такие обычаи, связанные с волосами невесты, как выкуп косы или закладывание невестой ленты в Евангелие во время венчания. В северных районах Удмуртии данные действия фиксируются редко. В связи с этим приведём редкий факт выкупа косы невесты, записанный в посёлке Игра, территориально расположенном ближе к северным границам Удмуртии, от информантов, придерживающихся старообрядческой традиции филипповского толка:

- Выкуп был?
- Был. Невесту за косу держали.
- А кто держал?

– Жениху не отдавали. А кто? Вот, у меня племянники были, сестрёнки были. За косу поймали – да не отдают жениху. Вот, ходит. Сперва дружка приходит, высватывает, сколько там копеек даст, может, денежок. Мало не отдают. Потом сваха приходит. Ещё сколько-то дают копеек. Вобщо не отдают невесту. Потом уже жених приходит. Тогда жениху невесту дак... (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 2004 г. в посёлок Игра Удмуртской Республики (УР). Запись А. С. Мутиной, А. В. Никулина от П. Е. Коньшева, С. И. Коньшевой).

Основными, «узловыми» действиями с волосами невесты были разделение косы на пряди и её переплетение на две косы, расчёсывание волос подругами и родственниками невесты, смена головного убора. Это происходило накануне дня свадьбы в бане, в свадебный день на девичнике, иногда в церкви, в доме мужа.

В песенном фольклоре подчёркивается, что ритуальному обретению девушкой нового социального статуса способствует очищение водой. В рассказах об обряде, в свадебных текстах часто встречается информация о том, что *девья красота*, многозначный символ свадебного ритуала, могла не только «счѣсываться», но и «смываться»: «...невеста “смывает” свою былую волю...», «красоту девичью» (здесь и далее тексты приведены в сокращении, с сохранением орфографии и пунктуации первоисточника):

...Вечером топят баню и ведут мыть невесту. А она поет:

Благословляй-ко ты, родной батюшко,
 Приступись ко мне, родна матушка,
 Благословите все девчата, все подруженьки,
 Приступись-ко ты, родна сестрица,
 Приступись-ко ты, родной братишко,
 Расчесать мои кудерьки...

Невеста моется, «смывает» свою былую волю, а девушки поют в предбаннике... (Татаринцев, 1990, с. 33).

В некоторых песнях посещение невестой бани, сакрального места события в обряде, комментируется напрямую. Например, в песне «Вечер, вечер батюшко дровчика колол» задействуются мотивы, связанные с мифологемой «волосы». В начале песни описывается сам обряд с детальной «прорисовкой» его эпизодов. Так, баня топится вечером (вечер – ритуальное время подготовки к предстоящим брачным событиям (Толкачева, 2021, с. 255-258)), и все родные невесты участвуют в этом, причём каждый действует в соответствии со своей ролью. Отец невесты колет дрова, и данное действие может символизировать разрушение прежних отношений с дочерью. Матушка делает щѣлок, то есть использует для этого остатки золы, того, что уже прогорело в печи (печь – традиционно «женская» часть дома), а сестра топит баню, разводит в ней огонь. Брат собирает подруг невесты, то есть отвечает за соответствующее, благоприятное для сестры, социальное окружение.

Во вторую половину текста включены мотивы, в которых повествуется, как сваха делит косу на пряди, укладывает волосы в две косы, надевает на невесту «золот моршинѣк» (женский головной убор в виде мягкой матерчатой шапочки (Зверева, Русинова, Черных, 2019, с. 240)) и шѣлковый платок. Описание приезда свахи жениха, изменение ею причѣски невесты и покрывание головы невесты женскими головными уборами (платком и золотым моршнем), символизируют принятие девушки в новую семью и утверждение её нового статуса:

Вечер(ы), вечер ба(а³)тюшко

Дровчика колол, дровчика колол.

Вечер, вече... ма(а³)тушка

Шолок делала(а³), шолок делала.

Вечер, вечер с^шёстрица
Баню топила(а³), баню топила.

Вечор, вечор брателко
Девок собирал, девок собирал...

Привозила сва(а³)шинька
Золот моршинёк, золот моршинёк.

Привозила сва(а³)шинька
Шолковой платок, шолковой платок.

Розделяла сва(а³)шинька волосы, волосы.
Розделяла волосы на шесть плетней, на шесть плетней.
Заплетала волосы на две косы, на две косы.
Завивала косаньки круг головы, круг головы.

Накидала сва(а³)шинька золот моршинёк, золот моршинёк.

Накидала сва(а³)шинька шолковой платок, моршинёк, шолковой платок (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 1994 г. в с. Сергино Балеинского района УР. Запись С. В. Стародубцевой от Е. М. Макаровой).

Переплетение волос в две косы и укладывание их в женскую причёску могло состояться как в доме невесты, перед отъездом на венчание и/или в дом мужа, так и непосредственно в доме мужа. Данное действие приравнивалось к символической готовности девушки к бракосочетанию и обретению ею статуса замужней женщины. Так, в популярной в южных районах Удмуртии песне «Ой, вьюн над водой» задействуются мотивы с диалогами будущего зятя и родни невесты. Зять отказывается от воронова коня и описывает свой идеал *суженой* через образ девушки, сидящей за *занавескою*, расчёсывающей свои волосы и вплетающей *алу ленточку в девью красоту*, то есть совершенный образ невесты обрисовывается зятем через её сакральные действия с волосами:

...Ой, сужено моё, ой, сужено моё
В высоком терему, за занавескою.

Ой, чешет голову, ой, чешет голову,
Рубчату косу плетёт, рубчату косу плетёт.

Ой, вплетает, ой, вплетает

Алу ленточку в девью красоту (Болдырева, Толкачева, 2018, с. 225).

Во время девичника (утро свадебного дня в доме невесты, когда ожидали приезда жениха) невесте расплетали и расчёсывали косу *на середе* / *за занавесой* (на кухне). Сначала это делала сваха. Далее к ней поочередно *призывали* всех родственников, которые её расчёсывали или просто прикасались к волосам. Подругам невеста раздавала ленты. В северных районах Удмуртии в это время исполнялась свадебная песня «Я-то сидела у родной-то мамоньки» / «Приступись-ка ты, родная мамонька» (жанр «песня» определён информантами). По музыкально-поэтическим особенностям эта песня приближена к жанру причитаний. В данном обряде – в акциональном коде и в музыкально-поэтическом его сопровождении – подчёркивается «разрушение» девической причёски, соответствующее «переходному» статусу невесты, и символизируется данным действием «ослабление» родственных отношений.

В некоторых диалектных традициях со старообрядческим населением косы невесте переплетали на *девишнике*, и к поезжанам её выводили с женской причёской. На невесте обязательно был большой платок (*подшалок/полушалок*) с кистями, закрывающий её лицо. Обряд *призывания* родственников на *середу* к невесте параллельно обозначался информантами как *невесту вычёшут, чёшут невесту* (Стародубцева, 1999, с. 185):

Невеста за занавеской. Её снаряжают, переодевается в платье, в дубас. Её полушалками с кистями завешивают, кисти чтобы были. До того, как завешать невесту, чёшут невесту, потом косу разделяют, потом **крут обдеывают** <то есть косы укладывают вокруг головы>. Тысячка с дружкой заглядывают:

– Готова ли невеста?

Невестина сваха:

– Наша невеста готова! (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 1994 г. в д. Шарпа Балеинского района УР. Запись С. В. Стародубцевой от У. И. Першиной, А. П. Селезнёвой).

В старообрядческой традиции д. Смольники Дебёского р-на были зафиксированы оригинальные обычаи, связанные с волосами невесты. Свекровь в знак принятия *молодой* надевала на неё (дарила) шаль, после чего *молодой* переплетали волосы. Данный обычай нашёл отголоски в поэтическом мотиве дарения невесте платка свахой в песне «Вечер, вечер батюшко дровчика колол», приведённой выше и записанной автором в местности, где ранее была распространена старообрядческая вера.

В диалектной традиции д. Смольники зафиксирован ещё один оригинальный обычай – возможность переплетения волос *молодой* в **три** косы:

– ...в обшом, в избу зашли жених с невестой – в одежде сели за стол... на стол кое-чего собрали там, накрыли. И свекровь должна снять с невесты... ну, свой платок, например, невесте. И свекровь должна, вот раньше-то были эти шёлковые шали, назывались, шаль подарить. Ну, как надеть свою шаль уже на невесту. А потом уже косы заплетают.

– Из-за стола потом выведут, вот у нас чулан называется...

– Ага, на кухне.
 – Чулан, туда увели и женщины заплетали ей косу там...
 – И расплетали косы, и вокруг головы их укладывали?
 – Заплели по-староверски.
 – У меня волосы, длинные, хорошие, дак если всё-то заплести дак – высоко. Мне три косы заплетали, одну ещё там заплели, позади (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 2003 г. в д. Смольники Дебёского района УР. Запись А. С. Мутиной, А. В. Никулина, И. В. Пчеловодовой от Х. И. Карачёва, Е. Ф. Карачёвой).

В русском свадебном песенном фольклоре, записанном на территории Удмуртии, часто встречается метафора косы невесты – *девья красота*. Эта метафора отождествляется с девушкой-невестой, и с её лентой, и с причёской (косой), с возрастным периодом – с юностью, с целомудренностью невесты. Употребление в музыкально-поэтическом фольклоре выражения *девья красота*, подразумевающее готовность девушки к созданию новой семьи, «привольное» житьё в доме родителей, в некоторых песнях противопоставляется замужеству.

Параллельно с данной семантикой в текстах встречается «противоположное» метафорическое выражение *девьей красоте* – это *бабья староста* или *бабья суета* (*девья* – противопоставляется *бабьей*, а *красота* – *суете* или *старосте*), которую, вероятно, судя по текстам (например, «Я-то сидела у родной-то мамоньки» или «Приступись-ка ты, родная мамонька»), могли «начесать» родственники невесты:

Приступись-ка ты, родная мамонька,
 Расчеши-ка ты да мою русу косыньку!
 Не счеши-ка ты да девью-то красоту,
 Не начеши-ка ты да бабью суету!
 Приступись-ка ты, да милая сестричка...
 Приступись-ка ты, родный брателко... (Шуклина, 2012, с. 28).

Метафорический образ *девьей красоты* как бы концентрировал самые лучшие качества невесты, её красоту, честность и чистоту. Например, в причитании «Благословите меня, девицу» она сравнивалась с чистой золотом, серебром, жемчугом. В тексте причитания рассказывается о стремлении девушки сохранить, сберечь *девью красоту* не только от людей – *супостатничков*, но и от стихий – ветра, дождя:

Благословите меня, девицу,
 Сесть на лавину на дубовую...
 Я смело-смело хвалю-хвастаю,
 Что честна моя девья красота,
 Чище золота да чище серебра,
 Чище скатного мелка жемчуга.
 Берегла свою девью красоту,
 Не давала ее ветру выдути,
 Не давала ее дождю брызнути,
 Супостатничкам насмеяться.
 Уж ты, матушка – девья красота,
 Ты, голубушка – трубчатая коса... (Татаринцев, 1990, с. 58).

В описании Г. Е. Верещагиным традиционной свадьбы Вятско-Прикамского края встречаются несколько причитаний, в которых упоминается *девья красота*. В текстах «Красота моя, красота» и «Отдаю свою красоту девичью» метафорическое выражение *девья красота* используется в двух смыслах – в смысле возрастного периода, совпадающего с юностью, с расцветом жизни («...*Что моей-то девьей красоте / Я жила-красовалась...*»), и в смысле самостоятельного поэтического персонажа («...*прокатись, моя красота*», «...*вот пошла моя красота, / Пошла да воротилась...*» и т. д.):

Там, где девичник исправляется в день свадьбы, до приезда поезда подружки невесты поют опять сестрам ее, начиная со старшей, а потом каждой подружке отдельно, и во время пения невеста с рыданием припадает к той, которая в песне упоминается. Вот эта песня:

Красота моя, красота! Прокатись, моя красота,
 Вдоль по улице широкой.
 Докатись, моя красота,
 До любезных сестры (имя подружки или сестры).
 Покрасуйся, моя сестрица,
 Что моей-то девьей красоте.
 Я жила-красовалась,
 Все люди дивовались (Верещагин, 2001, с. 67).

На примере свадебного причитания «Благословите, родимая маменька» и других текстов чётко прослеживается, как *девья красота* выступает, по определению С. М. Толстой (2010, с. 152), в роли поэтического персонажа. Поэтический персонаж *девьей красоты* как бы «отделяется» от поэтического персонажа невесты и может совершать самостоятельные действия – «ходить», возвращаться («воротиться»), «стучаться», «кататься», «плавать», «прощаться» с девушкой, её может «унести» ветер или *вихорь*:

Потом невеста подружкам своим говорит:
 – Отдаю свою красоту девичью
 Любимым своим подруженькам!

Вот пошла моя красота,
Пошла да воротилася,
Под кошечком постучалася... (Шуклина, 2012, с. 29).
***

Прежде чем сесть (за свадебный стол. – прим. А. Г. Татаринцева. – С. Т.), невеста должна была принести большой цветок (а его делали подружки на девешнике). Невеста шла с цветком к столу и, кланяясь, пела:

Расступитесь, разойдитесь,
Князья-бояре!
Иду я по полу тесовому
Ко столику дубовому.
Девья красота идёт,
Ее девица несет.
Как на стол поставила,
Всех гостей поздравила... (Татаринцев, 1990, с. 47).

Во многих текстах, где присутствует поэтический образ *девьев красоты*, обращает на себя внимание синонимичность *девьев красоте* таких мифологических образов, как *трубчатая коса*, *кудри/кудерьки*, *голова/головушка*, подразумевающих как волосы невесты, так и саму девушку (см. также приведённый в начале статьи текст «Благословляй-ко ты, родной батюшко»). Поэтические образы *косы*, *кудрей*, *головы* могут совпадать с аналогичными свойствами образа *девьев красоты*, в том числе – с возможностью как бы «отделиться» от девушки и фигурировать в текстах как «самостоятельный» поэтический персонаж. Так, текст свадебного причитания (или песни?) «Благослови ты, родима мамонька» построен на повторяющихся просьбах невесты к своим ближайшим родственникам вести под венец русу *косу*:

Благослови ты, родима мамонька,
Косу русу под венец вести.

Благослови ты, родный тятенька,
Косу русу под венец вести.

Благослови ты, родный братичек,
Косу русу под венец вести... (Шуклина, 2012, с. 27-28).

В двух текстах русской свадебной поэзии Удмуртии – «Расчеши-ко-тё да, буйную го...» и «Уж ты свет родимый тятенька!» – привлекают к себе поэтические образы, которые маркируют середину косы невесты, – *лента алая* и *жемчушко*. *Жемчушко* упоминается в причитании «Расчеши-ко-тё да, буйную го...». Под *жемчуш-ком*, вероятно, подразумеваются или семя, или жемчуг. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, *жемчугом* называли кокошник, сороку, украшение девичьей косы – «поднизь»: «...одно зерно самокатного жемчуга... Кокошник, сорока, украшенная жемчугом... Жемчужная девичья поднизь...» (1994, т. 1, с. 532). Также вероятно связь слова «жемчушко» со словом «семя». Некоторые значения слова «семя», толкование которых выполнено В. И. Далем, вполне могли трактоваться в контексте песни как «жемчушко»: «...корень, начало, основание, причина нравственная, духовная. Семя добра. Благое семя, благие и плоды» (1994, т. 4, с. 378). В текстах свадебных песен говорится, что конец косы мог быть украшен кистью, лентой:

...Расчеши-ко-тё да, буйную го...

Посреди-то косы да, жемчушко...(о)м садила да,

По конец-то косы да, алую ленточку... (Болдырева, Толкачева, 2018, с. 177).

– Уж ты, свет родимый тятенька!..

... – Свет ты моя подруженька,

Свет ты моя ласковая!

Поживи-ка во девушках,

Поноси русу косоньку,

Посередь косы – ленту алую,

На конце косы – кисть шелковую!.. (Шуклина, 2012, с. 20).

Во многих свадебных песенных текстах отражаются народные представления о взаимосвязях девичьей причёски, причёски невесты, укладки волос замужней женщины с временем суточным и с временем, переживаемым невестой в обряде, – с временем свадебного «перехода» (временем жизни человека) и связанной с ними «смены» пространства (Толкачева, 2021).

В причитании «Благословите, родимая маменька» описывается, как девушка собирается в баню «а в девичьей красе во последнюю», то есть больше такой ситуации никогда не будет. В то же время посещение бани – «на роду-то во первую». В этой строке подразумевается предстоящий процесс «пространственного» перемещения невесты в дом мужа. В данном тексте задействованы параметры временного кода (*во первую – во последнюю*), акцентируются социальный и пространственный «переходы» невесты (*на роду-то – а в девичьей красе*):

Перед венчанием, утром, в доме невесты топят баню. Приходят девки и начинают собирать невесту во последнюю баню. Она у родителей обязательно благословения просит:

Благословите, родимая маменька,

Благословите, родимый тятенька,

Мне в баню идти, во парену:
 На роду-то мне – во первую,
 А в девичьей красе – во последнюю!
 Мне не смыть бы, не сладить
 Свою красоту девичью! (Верещагин, 2001, с. 60).

Данные закономерности ярко прослеживаются в текстах утренних и вечерних причитаний просватанной девушки, записанных Г. Е. Верещагиным. В причитании «Красно солнышко закатилось», которое невеста «причитывает» по вечерам, описывается, как в «вечернее» и в «ночное» время девушки идут за водой. У них традиционные причёски: «...Головушки приучесаны / Трубчатые косы приуплетаны / Алым ленточкам перевязаны...». Поэтическое изображение невесты и её причёски соответствует периоду её статусного «перехода». Невеста называет себя «горе горькою», её «буйна головушка» «не учесана», а «трубчатая коса» «не уплетана» и «не перевязана» «алой ленточкой»:

По вечерам невеста, если захочет, причитывает причитания:
 Красно солнышко закатилось
 За леса-то, за леса тёмные...
 Все-то девушки за водой пошли,
 У всех-то головушки приучесаны,
 Трубчатые косы приуплетаны,
 Алым ленточкам перевязаны.
 У меня-то горе-горькою
 Буйна головушка не учесана,
 Трубчатой косой не уплетана,
 Алой ленточкой не перевязана (Верещагин, 2001, с. 60).

Утро в свадебном фольклоре Удмуртии ассоциируется с наступлением «нового» времени – с началом трансформации и установления внутрисемейных связей, с принятием брачных отношений. В причитании «Я спала горька высыпалася», которое невеста исполняла по утрам, подсвечивается взаимодополняемость таких мифологических образов, как *девья красота* и *трубчатая коса*. Невеста «утирается» *трубчатой косой* – *девьей красотой*. В данном причитании очерчивается также взаимосвязь ещё нескольких мифологических образов. От родных невеста безрезультатно ожидает: от батюшки – *отклика*, от матушки – *пробуждения*, от брата – *ключевой воды*, от сестры – *полотенце*. Свои *горючие слёзы* невеста вытирает *трубчатой косой*:

...причитывает она по утрам:
 Я спала горька высыпалася,
 Я рано-ранешенько пробуждалася;
 Я ждала млада дожидалася
 Я от батюшки откликаница,
 Я от матушки пробужденица,
 От родна брата ключевой воды,
 От родной сестры полотенышко –
 Полотенышко шито – браное.
 Я ждала млада, не дождалася –
 Я сама горька пробуждалася,
 Горючми слезми уливалася,
 Трубчатой косой утиралася,
 Трубчатой косой – девьей красотой (Верещагин, 2001, с. 60-61)

В причитаниях «Красно солнышко закатилось», «Я спала горька высыпалася», «Приступись-ко, родима мамонька», а также в других образцах свадебной поэзии встречается эпитет, который подчёркивает форму косы – «*трубчатая*»:

- Да, выводил. Косу вот расплетали... – припевали невесту. Она ревела.
- Она больно протяжная. И ето самая, такая жалобная. Там и все почти ревут. Навеста ревьёт и... Косу-то...
- Вот я пела протяжну то одна-то – вот такой жо мотив. Ну даже не знаю я это... Пела протяжную я песню. Я вовсе забыла уж эти песни...
- Начинается перво как:
 Приступись-ко, родима мамонька,
 К моей-то косе трубчатой.
 Коса расплеталася...

Ой, забыла я. Только знаю, что первые самые слова эти... (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 2000 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского района УР. Запись Л. Н. Мардановой, С. В. Стародубцевой от Е. М. Ивоиной, Н. В. Михалевой, К. Я. Михалевой).

Иногда синонимом косы может выступить мифопоэтический образ «трубы». В песне «Ой, труба ле ты, трубонька» образ трубы – *золотая-увитая* (*жолотая-увитая*) – может иметь два значения: косы и музыкального инструмента. Далее по тексту труба трактуется однозначно – как музыкальный инструмент, поскольку она может «вострубить», «подать голосочек» и т. д. (Толкачева, 2021, с. 262-263):

Ой, труба ле ты, трубонька да,
Жолотая-увитая да.

Жолотая-увитая да,
Не труби, труба, без время да.

Не труби, труба, без время да,

Воструби, труба, порою да... (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 2000 г. в с. Сергино Балеинского района УР. Запись Л. Н. Мардановой, С. В. Стародубцевой от А. Н. Макаровой, Е. М. Макаровой, А. С. Никоношиной, А. И. Савиной, А. М. Савиной, М. А. Савиной, М. М. Савиной).

Вероятно, что в данном тексте в сравнении трубы с женскими волосами отразилась такая грань восприятия народом косы, как её форма.

Другим образом, апеллирующим к форме и имеющим непосредственное отношение к волосам, является круг. В свадебном фольклоре и репортажах форма круга упоминается в нескольких значениях: женская причёска (две косы, уложенные вокруг головы), направление организованного движения невесты, её родных, поезжан и т. д., чаще по часовой стрелке. Например, в репортаже из деревни Шарпа Балеинского района прозвучало выражение «круг обдeldывают» (см. текст выше). О движении по кругу упоминается во многих песнях, например в песне «Кругом, кругом солнышко обошло» (см. текст далее), «завивала косоньки круг головы...» (песня «Вечер, вечер батюшко дровчика колол», текст см. выше) (подробнее о круговом движении в свадебном обряде см. в источнике (Болдырева, Толкачева, 2018, с. 42-47)).

«Голова» – ещё один метафорический образ в свадебных песнях, связанный с мифологемой «волосы». Голова в традиционных свадебных песнях символизирует верх человеческого тела, проявление человеческой индивидуальности, личности. С этим мифологическим образом в свадебном фольклоре координируются растения, птицы, стихийные природные явления (ветер).

Так, верушка берёзы в русских свадебных песнях может сравниваться с головой невесты и с *девичьей красотой*, а *сломленный верх* рябины или берёзы символизирует потерю батюшкой дочери, то есть её замужество. Соматизм «голова» в свадебных песнях часто имеет эпитет «буйная», который во многих свадебных песнях и причитаниях соотносится также с сильным – «буйным» – ветром. Такое сравнение показывает отношение народа к «переходному» статусу невесты как к временному, нестабильному, «открытому» для взаимодействия с сильными проявлениями стихий состоянию:

Кругом, кругом солнышко обошло, обошло.

Рядом, рядом бояре объехали, объехали.

На большу дорожиньку выехали, выехали.

У белый берёзоньки постояли, постояли.

У белы-кудрявыё верх сломили, верх сломили.

– Постой, постой, берёзонька, без верьху, без верьху.

Живи, живи, батюшко, без дочери, без дочери.

Без моей-то буйныё головы, головы.

Без моей-то девичьей красоты, красоты (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Фольклорно-этнографическая экспедиция 1994 г. в д. Гарчёнки Балеинского района УР. Запись С. В. Стародубцевой от А. Д. Некрасовой, З. А. Некрасовой).

Соматизм «голова» в свадебных песнях может встречаться в поэтических мотивах, указывающих на цвет волос, и в словосочетаниях, в которых происходит метафорическая и звуковая «игра» слов и понятий, иногда на «пересечении» мира людей и мира животных, птиц. Например, голубь – это и птица, и парень, молодой человек, а голубушка – девушка. В песне «Что у голубя, у голубя» голова голубя описывается как «сизая», а «голубушка» у «голубушки», то есть девушки, – «расчёсанная», «чёрным шёлком перестроченная», «алой лентой перевязанная», то есть оформленная женской причёской и головным убором:

Что у голубя, у голубя

Сизая голова,

У голубушки головушка

Расчесанная.

У голубушки головушка

Расчесанная.

Черным шелком, черным шелком

Перестроченная.

Алой лентой, алой лентой

Перевязанная... (Татаринцев, 1990, с. 66).

Итак, символикой проникнуты все действия с волосами невесты. Это проявляется и в выборе места действия и времени суток, и в количестве кос молодухи (две косы на голове как знак гармоничного соединения двух родов) и т. д. Смена причёски девушкой-невестой отражена во многих кодах свадебного обряда. Акциональный код «встраивается» в драматургию ритуала – и расчёсыванием волос с причитаниями невесты по утрам, и выкупом её косы, и раздариванием ленточек подругам. Именно с момента переплетения

двух кос невеста считалась *молодушкой*. Акт поочерёдного прощания родственников с невестой через прикосновения к её волосам задействует и акциональный, и музыкально-поэтический код.

Вербальный код поддерживает акциональный зачастую подробным описанием, комментированием происходящих событий. В то же время в поэтике задействуются собственные, иногда причудливые, сочетания образов (например, «буйная голова» невесты).

Заключение

Таким образом, анализ символических значений мифологемы «волосы» в большинстве обрядовых кодов русской свадебной традиции, бытовавшей на территории Удмуртии, позволил обозначить следующие наблюдения и сделать выводы, которые могут быть уточнены и дополнены в будущем на этнографическом и вербальном материале свадебной обрядности других региональных русских традиций:

1. Волосы невесты обладают материальной ценностью (например, обряд выкупа косы невесты), эстетической и этической значимостью для самой девушки, являются мифологической субстанцией, заменяющей невесту; волосы связаны со взаимоотношениями невесты со своей семьёй и с семьёй жениха; в старообрядческой локальной традиции филипповского толка сохранился уникальный обычай этнографического плана – переплетение волос *молодушки* на три косы;

2. Символизация волос связана с целостной системой мировоззрения русских, в частности с такими основополагающими понятиями, как: природные циклы и координирование их с циклами жизни (например, день и ночь, *девья – бабья, красота – староста*); стихии, особенно водная, воздушная и огненная, соотносятся как непосредственно, так и мифопоэтически с невестой и с её косой, с *девьей красотой*, с мифологическим временем пространственного и статусного «перехода» девушки в новую семью, с акцентированием сакрального статуса помещений и построек (баня, печь) на времени и пространстве ритуального «перехода» невесты, с эмоциональным описанием соматики; нравственное, высококультурное отношение к женским волосам, подчёркивание их красоты и ценности как части внешнего облика невесты, так и воплощения нравственных устоев, отражения взаимоотношений представителей рода невесты и жениха в связи с манипуляциями с причёской и головным убором невесты (сравнение *девьей* красоты с золотом, украшение косы *жемчужком* и т. д.); антропоморфное «копирование» соматики человека в отношении растений и птиц (верхушка рябины, берёзы, головы птиц);

3. В языке песенной обрядовой поэзии отражаются графические (идеографические) символы, связанные с волосами невесты. Они основаны на глубоких, зачастую завуалированных, связях мифологических образов и выражаются в словесном описании сходных форм (волосы – труба; *круг головы*).

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в её более глубоком изучении – в сопоставительном анализе символики волос в текстах и контекстах иных жанров русского фольклора Удмуртии, а также в традиционной культуре других русских региональных традиций России. К сравнительному анализу русского свадебного обряда может быть привлечён фольклорный материал других народов российских регионов.

Источники | References

1. Бергер В. П. Культурный смысл свадебного обряда и его выражение в языках (на материале концепта ВОЛОС в русском, казахском и английском языках) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3.
2. Бунчук Т. Н. Народное мировидение в диалектной семантике общерусского слова время // Научный диалог. 2017. № 8.
3. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
4. Кургузова Н. В. Вечерняя заря в русских свадебных песнях и причитаниях // Известия Российского государственного педагогического университета им. И. А. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 10 (31).
5. Мадлевская Е. Л. Девичья красота и социовозрастной статус девушки в традиционной культуре русских // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: в честь Наталии Михайловны Герасимовой / ред. И. Ф. Данилова. СПб.: Европейский Дом, 2002.
6. Мамонова С. К. Символика косы/волос в русских свадебных причитаниях // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 1.
7. Толкачева С. В. Символика времени в русском свадебном фольклоре Удмуртии // Научный диалог. 2021. № 6.
8. Толстая С. М. Мотив расставания с волей/красотой в северно-русской свадебной причете: поэтика и мифология // Уведи меня, дорога. Сборник памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010.
9. Хайруллина Р. Х., Бергер В. П. Образ человека в мифологической картине мира (на материале русского, казахского и английского языков) // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 14 (2).
10. Ямагути Р. «Краше солнца красного...»: солнце символизирует силу жизни // Рябининские чтения – 2019. Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2019.

Информация об авторах | Author information**RU****Толкачева Светлана Викторовна¹**, к. филол. н.¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск**EN****Tolkacheva Svetlana Viktorovna¹**, PhD¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk¹ svetlana-tolk@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 23.08.2023; опубликовано online (published online): 21.11.2023.

Ключевые слова (keywords): символика волос; свадьба; русский фольклор Удмуртии; соматизм; hair symbolism; wedding; Russian folklore of Udmurtia; somatism.